

3. Информационные материалы

Занятие посвящено одам Г.Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807) и «На тленность» («Река времен»).

Г.Р. Державин

Евгению. Жизнь Званская

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утреннюет дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как вьют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдалитетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн и коней ржанье.

На кровле ж зазвенит как ласточка, и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской,
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар
О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамах по стенам золотых блистают лица
Для вспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы,

В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах иль журналах
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны, образцы салфеток, скатертей,
Ковров и кружев, и вязани.

Где с скотен, пчельников и с птичников, прудов
То в масле, то в сотах зрю золото под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Серебро, трепещущее лещами.

В которой, обозрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Прося на пищу им: тем с по́ливкой калач,
А тем лекарица, в подспорье.

Где также иногда по палкам, по костям
Усатый староста иль скопидом брюхатый
Дают отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой.

И где, случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине,
И получают в дар подачи за труды,
А в час и денег по полтине.

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда, в игры зело горячи,
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грошу в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилище я муз,
И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим, иль к небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лире.

Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе и драки человеков.

Всё суета сует! я, вздыхая, мню,
Но, бросив взор на блеск светила полудневна,
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бремению?
Творцом содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах его
Единого во всем вседействующаго!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя им доля.

Дворовых между тем, крестьянских рой детей
Собираются ко мне не для какой науки,
А взять по нескольку баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах маранных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать, — хоть мыслей нет больших,
Блестят и жучки в епанечках.

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая: прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно всё и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здоровый.

Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И липца, воронка и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, —
Беседа за сладьми шутлива.

Но молча вдруг встаем: бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен;
За здравье с громом пьем любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
И тешусь разными играми.

Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем,
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев,
С душевным неким восхищеньем.

Иль в стекла оптики картинные места
Смотрю моих усадеб; на свитках грады, царства,
Моря, леса, — лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном фонаре любуюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Таксолнцы в воздухе, я мню, текут горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движамáшину, древá на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет
Клокоча огонь, толчет и мелет.

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Марииной рукой прядутся.

Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль царицы;
Сталь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск,
Куется в бердыши милицы.

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя мы, — говорят, — порем,
Чем у французов быть в подданстве».

Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив, — и, ароматов полн,
Порхает ветр меж нимф рядами.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желто-зеленым,
И сходит солнышко на нижнюю степен
К холмам и рощам сине-темным.

Иль, утомись, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огонь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Забавно! в тьме челнов с сетями как рыбаки,
Ленивым строем плив, страшат тварь влаги стуком;
Как парусы суда и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие, отлогие брега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за лесом под мглой гамитнарода,
Жнецов поющих, жниц полк идет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музыка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

Но скучит как сия забава сельсканам,
Внутри дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детям
Блистать: музыкой, пляской, пеньем.

Амурчиков, харит плетень, иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,
Цветочные венки пастух пастушке вьет,
А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныяпорывный в души гром,
Здесь *тихогрома* с струн смягченны, плавны тоны
Бегут, — ив естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седин
Склоняюсь, ношусь в мечтах умильных;

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаны:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум,
И всех зефиров повеваны.

Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела? Сокрылось солнце, — тень!
Кто весть и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век:
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мечет днесь и он перуны.

Умолкнут ли они? — Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим, как строй какой ведет,
Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет
И днешних и грядущих веков.

Грудь россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсш-лау;
Младых вождей расцвел победами там взор
И скрыл орла седого славу.

Так самых светлых звезд блеск меркнет от ночей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельналира!
Увы! и даже прах спашнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Невоспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот страшный.
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный,

От коего, как гром катается над ним,
С булатных ржавых врат и збури медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим,
В лесах трясясь, звучат стрел тулы.

Так, разве ты, отец! святым своим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вокруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть — в бездны.

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на пониженье счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Через Клии воскресишь согласи

Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзывы
От лиры моя шумящею рекой
Неслись через холмы, доли, нивы.

Ты слышал их, и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий гром:
«Здесь бога жил певец, — Фелицы».

Май—июль 1807

Примечания

Ода «Евгению. Жизнь Званская» (1807) является одним из самых главных автобиографических произведений Державина и одним из самых ярких произведений усадебной лирики в русской литературе.

Стихотворение было впервые напечатано в журнале «Вестник Европы», (1807, № 16). Оно посвящено другу Г.Р. Державина (1743 – 1816) епископу Евгению Болховитинову (1767—1837), историку и археологу. Евгений с 1804 по 1808 г. был настоятелем Хутынского монастыря, расположенного в 60-ти верстах от имения Державина Званка, где поэт проводил каждое лето. В конце июня 1807 года Евгений посетил Державина.

Вскоре поэт отправил ему акварельный вид Званки с такой надписью на обороте:

На память твоего, Евгений, посещения
Усадьбы маленькой изображен здесь вид.
Гораций, как бывал Меценом в восхищеньи,
Так был обрадован мурза-пиит.

Мецен — Меценат. Мурза-пиит — сам Державин. Ниже этих стихов Евгений приписал ответное четверостишие:

Средь сих болот и ржавин
С бессмертным эхом вечных скал
Бессмертны песни повторял
Бессмертный наш певец Державин.

«Евгений... любил слушать эхо от выстрелов пушечных (у Державина было несколько маленьких пушек. — В. З.), которые несколько раз по лесам Волхова удивительно отдаются» («Объяснения Державина на свои сочинения», 710).

Красот позор — т. е. зрелище.

Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев. «Т. е. бекасы, кои кричат, как барашки...» (Об. Д., 707).

Рев крав, гром жолн и коней ржанье. Желна — дятел. Гром жолн — «отголоски их, когда они долбят деревья и производят звук» (Об. Д., 707).

Повеет с дома мне манжурской иль левантской. «Манжурский, т. е. запах чайный; левантский — кофейный, т. е. что первый родится в Китае <а второй в Аравии> и доставляется чрез торг левантский» (Об. Д., 707).

Дивлюся в Вестнике — в журнале «Вестник Европы», основанном Н.М. Карамзиным и издававшемся в это время В. А. Жуковским.

Ковров и кружев и вязани. В Званке были небольшие фабрики: ковровая и суконная.

В которой, обзрев больных в больнице, врач. «Была там небольшая для крестьян больница» (Об. Д., 708).

В ерошки, в фараон. «Ерошки — карточная шутовская игра... Фараон — шуточное название карточной игры банку» (Об. Д., 708).

Иль в зеркало времен, качая головой. «Зеркало времен здесь называется история» (Об. Д., 708).

Флакк — Гораций.

Блестят и жучки в епанечках. «Т. е. посредственные мысли, хорошо сказанные, чистым слогом, делают красоту сочинения» (Об. Д., 708).

И липца, воронка и чернопенна пива. «Липец, мед, наподобие вина приуготовленный, желтого цвета, воронок — тоже мед, но черный, с воском варенный, — напитки, которые бывают очень пьяны, особливо последний, так что у человека при всей памяти и рассудке отнимутся руки и ноги; пиво черное кабацкое тоже весьма крепкое» (Об. Д., 708).

Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен. Яблочный или березовый сок, который делали наподобие шампанского.

За здравье с громом пьем. «Т. е. с пушечной пальбой» (Об. Д., 708).

Пернатый к потолку лаптой мечу леток — игра в волан.

Иль в стекла оптики. Имеется в виду разновидность волшебного фонаря.

Иль в мрачном фонаре. Державин имеет в виду камеру-обскуру, в которой «супротивные натуральные предметы представляются в малом виде весьма живо...» (Об. Д., 708).

Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет. «Огненная паровая машина» (Об. Д., 709).

Мариной рукой прядутся. «Императрица Мария Феодоровна выписала из Англии прядильную машину, на которой один человек более нежели на сто веретенах может прясть» (Об. Д., 709).

Все прелести, красы берутся с поль царицы. «Т. е. красильня, где красят шелк, шерсть, лен и бумагу травными растениями, собирая оные с царицы полей, т. е. Флоры» (Об. Д., 709).

Куется в бердыши милицы — т. е. ополчения (см. выше, [стр. 445](#)).

Ленивым строем плыв, страшат тварь влаги стуком. «Рыбная ловля, называемая колотом, в которой несколько десятков лодочек, в каждой с двумя человеками, спустя в воду сетки, тихохонько или лениво ездят и стучат палками в лодки, производя страшный звук, от чего рыба мечется как бешеная в реке и попадает в сетки» (Об. Д., 709).

Мой храмовидный дом. «Дом автора был с куполом и с колоннами и немного похожий на храмик» (Об. Д., 709).

Здесь с тихогрома струн смягченны, плавны тоны. Тихогром — перевод слова «фортепьяно».

Но мечет днесь и он перуны, Державин имеет в виду войну 1806—1807 гг.

Темиру новому под Пултуском, Прейси-лау. Темир (Тамерлан) — азиатский завоеватель XIV в. Имеется в виду Наполеон. Сражения под Пултуском и Прейсиш-Эйлау были относительно успешны для русской армии.

И скрыл орла седого славу. Граф М. Ф. Каменский (1738—1809) был назначен главнокомандующим, но через несколько дней был смещен Беннигсеном.

Взойдешь на холм тот страшный. В саду был холмик, на котором любил сидеть Державин. Далее Державин имеет в виду легенду о том, что один из новгородских вождей был волхв, от которого и получила свое название река Волхов. Этот волхв якобы был похоронен под холмом у дома Державина.

Чрез Клии воскресишь согласья. Клио — муза истории. Евгений в 1806 г. напечатал в журнале «Друг просвещения» биографии ряда писателей, в том числе и самого Державина.

Музейный «комментарий»

В экспозиции музея представлены:

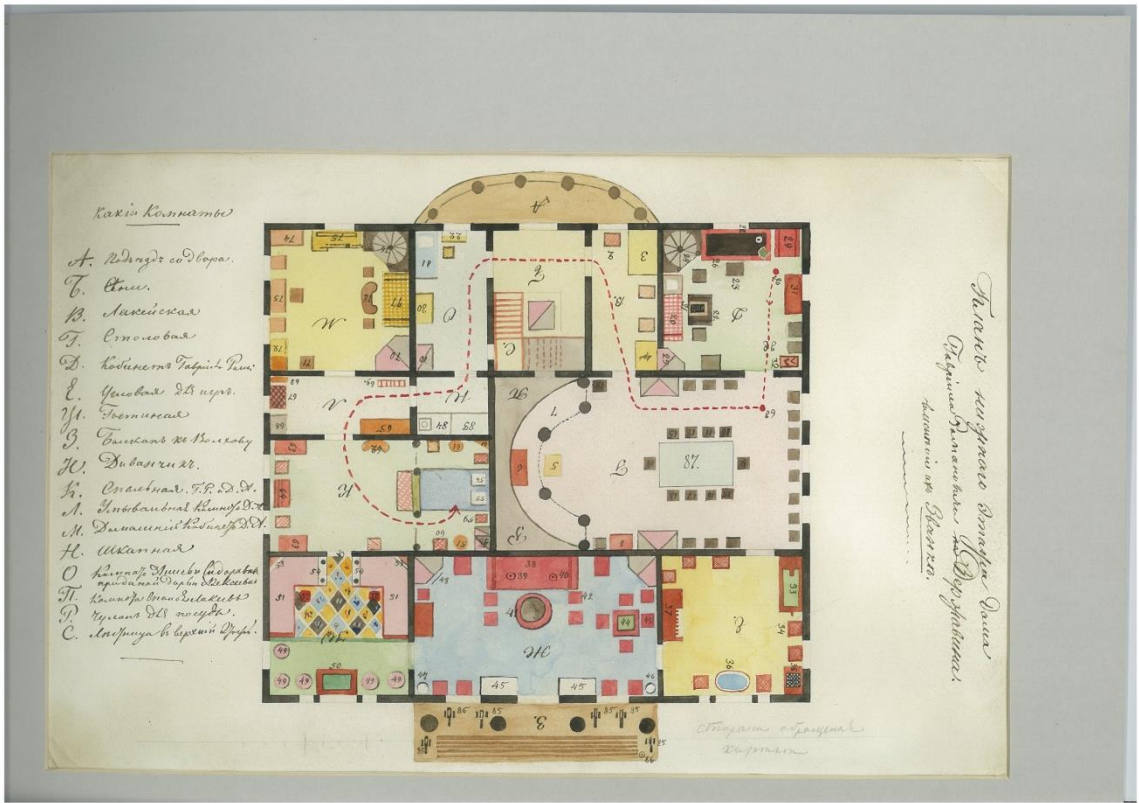

Аврамов Е.М. Вид Званки. 1807. Акварель. Копия. Ориг. ИРЛИ РАН

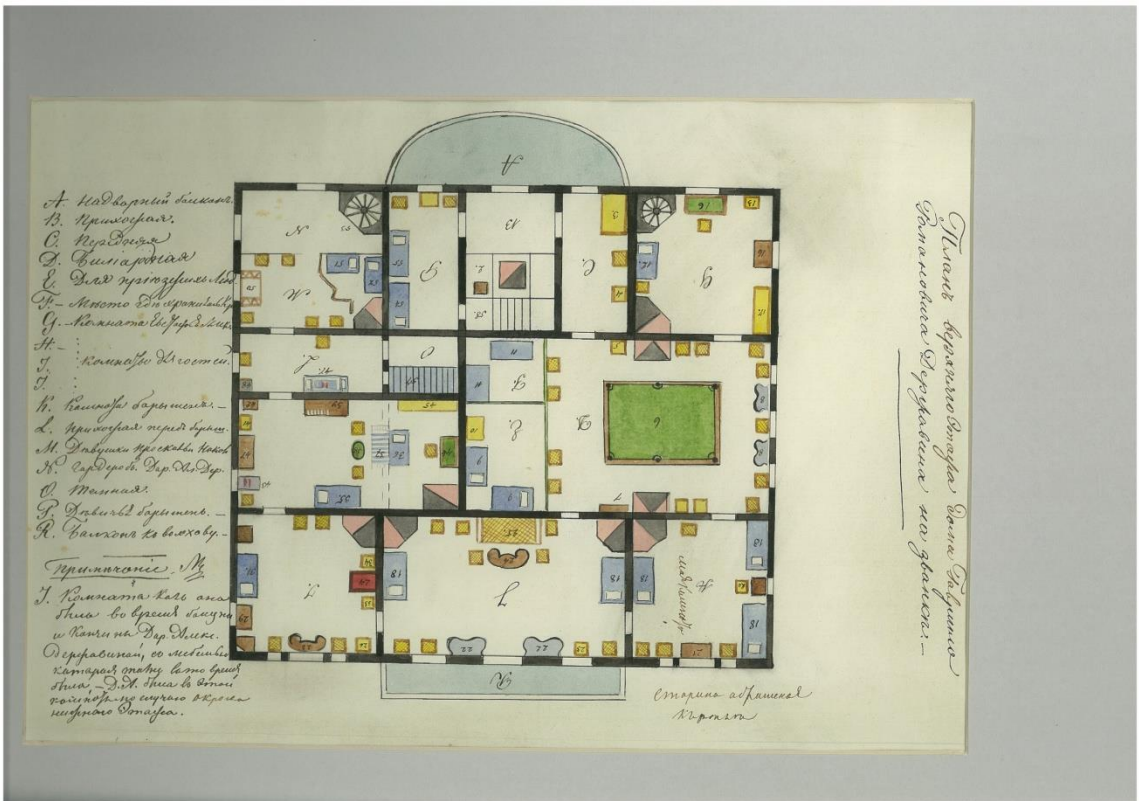

Боровиковский В.Л. Портрет Д.А. Державиной на фоне Званки. 1813.
Холст, масло. Копия. Ориг. в ГТГ.

Усадебный дом в имении Званка не сохранился, но в 1840-е годы соседом Державиных А.П. Кожевниковым были сделаны цветные поэтажные планы дома с перечнем мебели, стоявшей в каждой комнате. Благодаря этим документам мы можем не только представить, как выглядели кабинет поэта, гостиная, но и попытаться реконструировать их. Стихотворение Державина «Жизнь Званская» подробно рассказывает о событиях, происходивших в этих интерьерах дома. Планы представлены в экспозиции Музея-усадьбы Г.Р. Державина.

А.П. Кожевников. План первого этажа усадебного дома в Званке

А.П. Кожевников. План второго этажа усадебного дома в Званке

А.П. Кожевников. Диванчик в Званке. 1833. Бумага, акварель

Г.Р. Державин

На тленность

Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.

<6 июля 1816>

Примечания

Стихотворение было написано 6 июля 1816 года в Званке за три дня до кончины поэта. Впервые напечатано в журнале «Сын Отечества» (1816, № 30). Во все посмертные издания поэта вошло под заглавием «Последние стихи Державина». Иногда — под заглавием «На тленность». В заметке к этим стихам в «Сыне Отечества» сказано: «За три дни до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту «Река времен», начал он стихотворение «На тленность» и успел написать первый куплет<...>. Сии строки написаны им были не на бумаге, а ещё на аспидной доске (как он всегда писывал начерно)...». Автограф на грифельной доске хранится в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Картина-таблица «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории» была составлена немецким историком Фридрихом Штрассом и впервые опубликована в Германии в 1803 году. На русский язык переведена А.Варенцовым. В середине двадцатого века исследователи заметили в этом стихотворении возможный акростих: РУИНА ЧТИ. В настоящее время ведутся споры о наличии в оде акростиха, его смысла и о завершенности стихотворения.

Музейный «комментарий»

Карта «Река Времен» (СПб., 1805). Составители Ф. Штрасс, А. Варенцов

Грифельная доска Г.Р. Державина с его последним стихотворением
(Хранится в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки)